

Феномен русской власти в мировой политике

The phenomenon of Russian power in global politics

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-97-107

УДК 323

Получено: 19.01.2026

Одобрено: 22.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Козьякова Н.С.

Канд. полит. наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

Koziakova N.S.

Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

Аннотация

Цель исследования состоит в рассмотрении исторических моделей организации политической власти и властных отношений в контексте современной отечественной политической традиции и практики для выявления преемственностей и трансформаций. Актуальность исследования обусловлена проблемой властного дискурса в период смены внешних и внутренних условий, которая является центральным маркером трансформации современной российской политики, её изучение необходимо для понимания механизмов легитимации, мобилизации и устойчивости политической системы. *Методологической* основой работы выступает системное сочетание всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов, которое позволяет всесторонне и строго реконструировать генезис и особенности формирования научного поля политической власти. Философская рефлексия задаёт рамку и логику, общенаучные методы выявляют паттерны, а частнонаучные объясняют механизмы и конкретные траектории трансформации. Автор исследования приходит к *выводу*, что современная Россия должна самостоятельно формулировать собственную повестку дня во всех ключевых сферах – внешнеполитической, культурной, идеологической и экономической. *Теоретическая и практическая значимость* исследования состоит в том, что обобщения, сделанные в работе, позволяют наиболее полно понять и уяснить комплекс проблем, связанных с историческими проблемами русской власти в мире, уточняют терминологию и формируют основу для дальнейших исследований. Автор проанализировал разработки типологии и инструментария, пригодных для использования в политических исследованиях, образовании и подготовке практических рекомендаций для профильных организаций.

Ключевые слова: русофобия, либерализм, русская власть, международная политика, суверенитет, европейский финансовый капитал, правящие элиты.

Abstract

The aim of the study is to examine historical models of the organization of political power and power relations in the context of contemporary domestic political tradition and practice, with a view to identifying continuities and transformations. The relevance of the study is determined by the problem of power discourse during shifts in external and internal conditions, which serves as a central marker of the transformation of contemporary Russian politics, its investigation is necessary for understanding the mechanisms of legitimation, mobilization, and stability of the political system.

The methodological basis of the work is a systematic combination of universal, general scientific, and discipline-specific methods, which allows for a comprehensive and rigorous reconstruction of the genesis and the distinctive features of the formation of the scientific field of political power. Philosophical reflection sets the framework and logic, general scientific methods reveal patterns; and discipline-specific methods explain mechanisms and concrete trajectories of transformation. The author concludes that contemporary Russia should independently formulate its own agenda across all key spheres – foreign policy, cultural, ideological, and economic. The theoretical and practical significance of the study lies in the fact that the generalizations produced in the work make it possible to most fully understand and clarify the complex of problems related to the historical aspects of Russian power in the world, refine the terminology, and provide a foundation for further research. The author also analyzed the development of a typology and a set of tools suitable for use in political research, education, and the preparation of practical recommendations for relevant organizations.

Keywords: Russophobia, liberalism, Russian power, international politics, sovereignty, European financial capital, ruling elites.

Введение

Межэлитное взаимодействие России и Запада не прекращалось в международных отношениях в период до революции 1917 г., оно продолжилось во времена СССР, разные типы власти продолжают поддерживать контакты и в современной России. По мере возрождения к российскому прошлому усиливалась русофобия в качестве ответной реакции на подъём России. В качестве исторических примеров можно привести период перестройки 1985-1991 гг., когда западные страны были уверены, что с Россией можно сотрудничать. В 1990-е ситуация изменилась, в мире появились такие «символы», как «олигархи» и «русская мафия» в начале XXI в. к этому произошла постепенная адаптация. Показательной была реакция Запада на первую жёсткую по тону Мюнхенскую речь президента РФ В.В. Путина – она стала триггером для пересмотра отношений и новых оценок.

Целью исследования является изучение и оценка отличий российской власти от западной и восточной элит, т.е. структура правящей страты в России. Автор предполагает в качестве гипотезы, что в современной информационной войне психологическим и одновременно историческим оружием является русофобия, так как Россия единственная страна в мире, которая не только не подчинилась Западу, но и неоднократно ему противостояла.

Историческая политика является инструментом власти и идентичности, следовательно, задача государства состоит в том, чтобы использовать её ответственно, это необходимо для того, чтобы прошлое служило миру, а не вражде. Через управление смыслом прошлого государство не только легитимизирует себя, но и прописывает правила совместной жизни, объединяет людей вокруг общих ценностей и задаёт ориентиры для собственного исторического пути. Ответственная политика памяти представляет баланс между легитимацией и честью перед правдой, между объединением и уважением к многообразию.

В современной России историческая политика не оформлена в единую государственную политику – вместо этого наблюдается набор разрозненных практик. Это даёт быстрые, но нестабильные результаты и для того, чтобы избежать дестабилизации и недоверия, нужен системный, открытый и научно обоснованный подход. Россия обладает многовековым опытом формирования исторической политики: есть институции, источники и практики, которые при ответственном подходе позволяют строить научно обоснованную собственную политику памяти.

Обзор научной литературы

Понимание механизмов воспроизводства власти требует междисциплинарного подхода, сочетающего политологический анализ институтов, юридическую оценку норм и культурологическое исследование символов и практик. Янов А.Л. иллюстрирует подходы, где исторические интерпретации используются для объяснения или обоснования специфики

российской политической традиции [20, с. 29]. Шевцова Л.Ф. проводит анализ современных режимных практик, легитимации и «управляемой демократии», особое внимание уделяется институциональным и идеологическим аспектам [19, с. 48]. Перегудов С.П. использует термин для описания специфики совокупности властных практик и их социокультурных корней, в его работах подчёркивается связь политических практик и общественных настроений [14, с. 52].

Тогда как Гаман-Голутвина О.В. обращает внимание на юридические и институциональные основания власти, а также на способы легализации политических решений в правовой плоскости [6, с. 92]. Понятийный фрейм «русской власти» даёт возможность междисциплинарного анализа, который сочетает политологию, юриспруденцию и культурологию для полноты объяснения устойчивости и трансформаций российского режима. Лапкин В.В. и Пантин В.И. полагают, что успешная политическая модернизация возможна лишь там, где сочетаются общественная готовность к изменениям и желание элит реализовывать эти изменения [8, с. 1].

Гавров С. Н. полагает, что российское общество развивалось под влиянием двух базовых тенденций – либеральной и имперской, коренящихся в историческом опыте и менталитете населения [5, с. 128]. По мнению российского историка и публициста Фурсова А.И. феномен «русской власти» необходимо рассматривать через призму исторической преемственности, цивилизационного особого пути и роли сильного государства [17, с. 412].

Методы

Оптимальное сочетание общих, общенаучных и частнонаучных методов достигается через ясную привязку методов к задачам и описанную последовательность действий – это повышает надёжность, валидность и прикладную ценность исследования. Комплексный подход для исследования понятия русской власти даёт возможность синтезировать знания разных направлений политической науки, обеспечивая глубину и надёжность выводов через целенаправленную комбинацию дисциплин и методов. Данный подход превращает концепт из абстрактной формулировки в операционализированную совокупность измеримых и объясняемых феноменов. Свойства политической власти (сущность, структура, процесс) определяют, какие методы и в каком сочетании следует использовать. Концептуальная ясность в дополнении с матрицей «задача-метод-инструмент» и дополнительная триангуляция дают надёжную исследовательскую стратегию.

Исследование базируется на диалектическом методе, позволяющем анализировать политическую власть как развивающуюся систему, выявлять и реконструировать внутренние противоречия и переходные моменты, а также на логическом методе, обеспечивающем последовательность формулировок и доказательств. Данные методы применялись в связке с историко-сравнительным и дискурсивным анализом, архивными источниками и процесс-трейсингом ключевых решений. Использование общенаучных методов в исследовании придаёт ему объективность, воспроизводимость и возможности проверки гипотез, оптимальной целенаправленной комбинации с методологическими и частнонаучными приёмами, чёткой операционализацией и строгой документацией процедур.

Контент-анализ как эмпирический метод позволяет системно и воспроизводимо выявлять направления и особенности русской социально-политической мысли через сочетание количественных паттернов и качественных интерпретаций при соблюдении строгой процедуры кодирования, валидации и триангуляции данных. Логический метод делает исследование структурированным и проверяемым, он формирует понятия и законы, выстраивает последовательную систему рассуждений и служит связующим звеном между теорией и эмпирикой. Широкое использование частнонаучных методов сделало возможным решение предметных задач за счёт точечной работы с научными источниками и инструментами, адекватных специфике исследуемых явлений. Совокупность методов компаративистики в качестве исходного концепта задавало структуру исследования: от выбора кейсов и операционализации переменных до выбора аналитических приёмов. Сужение фокуса на вертикальных элементах концепта русской власти стало эффективным способом избежать

концептуальной натяжки: это улучшает операционализацию, делает выбор методов и данных целенаправленным, упрощает выявление причинных механизмов и повышает надёжность выводов при условии регулярной проверки границ исследования и триангуляции результатов.

Результаты анализа

До 1820-х противостояние Запада и России находилось, в основном, в религиозной области – католики и протестанты выступали против православных, при том этнический фактор был вторичным. После наполеоновских войн Россия стала главным противником трёх сил, оформившихся в тот период на Западе – Великобритании, которая боролась за гегемонию в мировой капиталистической системе и, победив Францию с участием России, столкнулась с сильнейшей евразийской державой на континенте. Основная британская стратегия в тот момент состояла в недопущении появления мощного континентального государства. XIX и начало XX столетия прошло в противостоянии между самодержавием династии Романовых и Великобританией. Несмотря на то, что в 1917 г., Великобритания формально была союзницей России, премьер-министр Д. Ллойд-Джордж, узнав о крахе российской империи и свержении императора Николая II, в парламенте сделал заявление: «Одна из целей этой войны достигнута» [2, с. 54].

Вторым противником России стал европейский финансовый капитал, который нашел опору в ходе Французской революции и Наполеоновских войн. Это европейская династия банкиров и общественных деятелей Ротшильдов, история которых восходит к концу XVIII в. Их капитал укрепился в ходе Наполеоновских войн и в 1818 г. на конгрессе в Ахене они оказали решающее влияние на решения западноевропейских правительств, включая вопросы репараций и распределения выгод, связанных с послевоенными выплатами, которые хотели получить для себя, но Австрия, Пруссия и Франция предпочитали, чтобы расчётами занимался британский Банк братьев Бэринг [13, с. 62]. Когда банкиры Ротшильды предпринимали попытки попасть на приём к французскому представителю Арману Эммануэль де Виньеро дю Плесси, 5-й герцог де Ришелье, их не приняли, Пруссия также относилась к ним с недоверием, считая их чуждыми и недостойными внимания. В данный период европейские правители не осознавали факт, что династия банкиров Ротшильдов представляла реальную силу – они начали массово скупать французские ценные бумаги, что в скором времени стало угрозой не только для Франции, но и для других государств. После этого Ротшильдам было дано поручение выплачивать репарации Франции, это одновременно дало им влияние на французское правительство. В 1818 г. европейский финансовый капитал в лице Ротшильдов бросил вызов европейским правительствам, они прямо не говорили о «мировом правительстве», но вокруг их действий складывалась система, которую можно было воспринимать в качестве альтернативы Священному союзу.

Против этого сначала выступили Александр I, а в дальнейшем Николай I Романовы, которые навсегда стали противниками Ротшильдов. В период своего правления Александр II и Александр III через третьих лиц предпринимали попытки найти общий язык с Ротшильдами, это было необходимо для того, чтобы они не оказывали финансовую поддержку революционному движению в России, но быстро стало понятно, что мира между Ротшильдами и Романовыми быть не может. В данный период выдающийся писатель и общественный деятель А.И. Герцен уехал в Англию, так как осознавал риск изъятия собственности в России и передал права на своё имущество Ротшильдам. После того, как император Николай I наложил запрет на данное имущество, возник серьёзный конфликт с Ротшильдами, которые финансировали действия оппозиции и их проекты, они поддерживали К. Маркса, Д. Гарибальди и другие европейские антисистемные движения. А.И. Герцен полагал, что получит деньги на издание своего журнала, но получил финансирование только накануне Крымской войны 1853-1856 гг., таким образом, Ротшильды действовали расчётливо и по своим интересам [15, с. 12].

Третьей силой, активно распространявшей русофобские идеи в начале XIX в., стало масонство, которое в тот период в Европе проявило невероятную активность. Революции

конца XVIII – первой половины XIX в. проходили под лозунгами «Свобода, равенство, братство» и масоны были одним из руководящих составляющих в данных движениях [7, с. 230]. К середине XIX в. масонство во многих странах во многом трансформировалось, оно перестало быть исключительно революционной силой, интегрировавшись в государственные и элитные структуры, не исчезнув, но изменив свои роли и характер. Началось противостояние между регулярными масонскими ложами и карбонариями, они начали активно распространяться и в России, но русские цари заняли жёсткую позицию по отношению к ним и самодержавие стало их противником. Континентальные европейские ложи были под сильным британским влиянием и в результате Великобритании, масонские структуры и связанный с ними финансовый капитал выступили для России в роли смертельных врагов.

После наполеоновских войн Россия в XIX и начале XX в. редко одерживала заметные военные победы за исключением относительно слабой кампании 1877-1878 гг. против Турции, причина состояла не в упадке армии, а в появлении принципиально нового противника на Западе. Если в наполеоновских войнах или в Семилетней войне России прямо противостояли другие европейские государства, то с 1820-х годов ей противостояла двухконтурная западная система – финансисты и закрытые элитные структуры, к которым относили и масонство. Правление Николая I пришлось на период окончания с войны с Наполеоном, неудивительно, что он не до конца понимал, кто является его противником. Несмотря на то, что это был один из выдающихся царей в российской истории, он не понял угрозы, которая имела фундамент в новых силах, так как опирался на прошлое. При помощи первой волны русофобской кампании в 1820-1840 гг. британцы успешно сформировали в Европе антирусские настроения, подготовив, таким образом, общество к Крымской войне, которая стала первой крупной общей западной войной против России. Во время наполеоновских войн или в Семилетней войне, среди европейских союзников также была Великобритания, однако, в Крымской войне весь Запад противостоял России: Британская, Французская, Османская империи и Сардинское королевство. Австрия и Пруссия нанесли России самый тяжёлый удар, заставив заключить мир – в декабре 1855 г. императоры Франц-Иосиф I и Фридрих Вильгельм IV предъявили России жёсткий ультиматум, в котором говорилось, что их государства перестанут сохранять нейтралитет в случае, если Россия не прекратит войну и таким образом противником России стала вся Европа [11, с. 115]. Это стало следствием не только дипломатической политики, проводимой Англией, но и масштабной информационной кампанией, которая имела серьёзное психологическое воздействие. Накануне Крымской войны Карл Маркс и французский католический архиепископ Парижский Иасент-Луи де Келан делали заявления о том, что история России должна закончиться.

К. Маркс в России видел реакционную силу, а для парижского архиепископа угроза России состояла в Православии. Таким образом, британцы подготовили почву для Крымской войны и это была не локальная «восточная» война, в тот период Запад впервые выступил против России как против единого целого, к этому его подталкивали не отдельные государства, а твёрдая воля финансового капитала, государственных интересов и масонства, это была открытая русофобия, которая реализовывалась на практике. Была ли в данной ситуации альтернатива? Например, если бы Александр II не прислушивался к тем советникам, которые предлагали ему заключить мир, то скорее всего, примерно через пару лет борьбы англичане с французами могли уйти самостоятельно. У англичан были огромные потери и в скором времени после окончания войны они провели радикальную военную реформу. В современной Франции Музей армии одну из экспозиций посвятил Крымской войне.

В данный период русофобия начала проникать внутри России и распространялась среди правящей элиты и интеллигенции. Есть предположения, что начало этому положил П.Я. Чаадаев, который был западником, но при этом русофобом он не являлся. Необходимо чётко разграничить понятия: либерализм и русофобия не являются синонимами. Либеральные мыслители XIX в. К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин не были национальными предателями и не испытывали вражды к России, литературный критик В.Г. Белинский был западником, но при

этом не являлся либералом. Необходимо отметить не только идейный, но и экономический аспект русофобии внутри России – определённая часть правящих кругов смотрела на свой народ с пренебрежением, как на «азиатов» или людей второго сорта. Здесь не только материальное или социально-экономическое объяснение, а есть идейная составляющая. В допетровской России потребности господствующего сословия были гораздо выше крестьянских, но они были обусловлены русской аграрной системой и характером хозяйства, иначе говоря, это были «русские» потребности. После реформ Петра I и к временам Екатерины I часть дворянства стала жить не по возможностям русского хозяйства, а по образцу европейской буржуазии и аристократии. Но урожайность и климатические условия в Западной Европе (в значительной степени благодаря Гольфстриму) позволяли жить иначе, чем в России и для того, чтобы соответствовать европейскому образу жизни, российское дворянство жёстко эксплуатировало крестьян. Например, за время правления Екатерины I эксплуатация как частных, так и государственных крестьян выросла в несколько раз, т.е., крестьяне лишились не только прибавочного продукта, но и части средств к существованию [10, с. 69].

Известный публицист и мыслитель М.О. Меньшиков по этому поводу писал, что XIX век стал столетием постепенного, а в дальнейшем тревожно быстрого упадка народного благосостояния в России [9, с.15]. Дворянство, стремясь иметь те предметы роскоши и комфорта, которые были обычны на Западе, вынуждено было отдавать не только излишки хлеба, но и часть необходимых запасов. Урожайность и условия сельского хозяйства на Западе были значительно лучше, чем в центральной России и для того, чтобы жить по европейскому образцу, российское дворянство усилило эксплуатацию крестьян. В результате народ хронически недоедал и деградировал и это все было сделано для поддержания европейского лоска и обогащения узкого слоя капиталистов, которые смотрели в одну сторону с Европой. То, что полностью развернулось к концу XIX в., только начиналось ещё в середине XVIII в. Психологическим оправданием данной эксплуатации стало презрительное отношение части русской образованной элиты к своему народу – на крестьян смотрели как на «дикарей», «азиатов», людей второго сорта [1, с. 35]. На этой почве русофобия внутри России укоренилась и в итоге переросла в её крайнюю форму.

Русофобия как идеология получила новое дыхание в советское время, но это была другая система. В 1920-х – первой половине 1930-х годов у власти были интернационалисты с антироссийскими настроениями, но ситуация изменилась в 1936 году – в тот период впервые появился термин «советский патриотизм» [4, с. 106]. В середине 1930-х возникло ощущение новой войны и потребовалась национальная мобилизация и руководство страны вспомнило о русских полководцах – А. Невский, Д.И. Донской, М.И. Воротынский, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, П.А. Румянцев. Это был поворот в сторону советского патриотизма с акцентом на отечественную государственность и историю, в официальной культуре это оформилось в символику и парадность. В качестве примеров здесь можно привести мемуары: люди, долго служившие при старом режиме, отмечали, как изменилось представление о воинской и государственной славе. После смерти И.В. Сталина, во время правления Н.С. Хрущева, начало развиваться презрительное отношение к советскости и к русскости, причиной стала смена поколений: в элите появилось третье поколение – дети и внуки тех, кто привык жить аскетично и приспособляться [18, с. 184]. Новое поколение выросло в иных условиях, неудивительно, что захотело большего и было недоволено тем, что власть остаётся бедной и выражает интересы «простого народа».

Отсюда произошла и нелюбовь к власти – мы элита, а нам не дают развиваться? И.В. Сталин прекрасно понимал существующую опасность, в мемуарах упоминается, что он пришёл в ярость, узнав о создании специальных школ для детей советских чиновников, эвакуированных в Куйбышев, назвав их «проклятой кастой». О процессе нарастания социального неравенства предупреждал не только И.В. Сталин, но и Л.Д. Троцкий. Идея И.В. Сталина о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться, оказался верным, доказательством является эпоха перестройки, но процесс начал

развиваться уже в советское время. Если мы обратимся к 1970-м годам, то в результате реформ А.Н. Косыгина и Е. Г. Либермана сформировался слой мелких советских предпринимателей, которые в дальнейшем стали социальной базой перестройки, они очень не любили советское государство, так как оно мешало им реализовать свой элитарный статус. Таким образом, форма ненависти была разной: в Российской империи это была открытая русофобия, а в советский период скрытая антироссийская или антисоветская позиция, но, по сути, это была неприязнь к народу и его традициям [3, с. 72].

Подобное отношение появляется там, где возникает слой, желающий жить не трудом и служением обществу, а за счёт привилегий и потребления. Всем, что мешает этому стремлению, например, народ и бедная, но ориентированная на интересы простых людей власть, они противостоят. Советская власть не была идеальной, но при этом она в определенной мере выражала интересы народа и этим вызывала раздражение у новой элиты в 1990-е годы, в данный период в СМИ четко прослеживалось жёсткое презрение к простому человеку. Это было полное отступление от традиций русской интеллигенции XIX в. и от советских гуманистических идеалов – такого презрения ранее нигде не было. Когда представители либеральной элиты открыто говорили, что им «неприятен русский народ», за этими словами скрывалась не только национальная неприязнь, но и чётко выраженная вражда. Та часть советской интеллигенции, которая обслуживала интересы криминальной буржуазии, не была интеллигенцией в классическом смысле, это культурная буржуазия, которая выступила носителем русофобии и советофобии [16, с. 95]. Русофобия шла рука об руку с идеологией потребления, но исторически русские люди в определённом смысле всегда были аскетами. Император Николай I спал на простой кровати и укрывался шинелью не потому, что стремился произвести эффект на окружающих, это был его образ жизни, подобные приметы быта отражают не только характер личности, но и определённую национальную модель поведения. Известный факт, что у русских людей есть собственная кухня, традиции, праздники, но они способны на самоограничение в степени, которой часто нет у западного человека и в этом состоит сила России, это не подвиг, а естественное состояние.

В годы Великой Отечественной войны серьёзные перебои с электричеством в Германии начались только в 1944 г., ранее промышленность работала относительно стабильно и в 1943 г. в Германии предпринимались меры по перепрофилированию фабрик и заводов с мирного производства, включая, например, предметы лёгкой промышленности на военные нужды. При этом А. Гитлер полагал, что немецкая женщина не примет факта, если ей запретят носить привычную одежду, так как она привыкла к хорошим шёлковым чулкам. Перед войной в Германии в личной прислуге домохозяйств было примерно 1,4 млн чел., а к концу 1944 г. этот показатель опустился примерно до 0,9 млн, произошло сокращение, но не такое масштабное, чтобы полностью перераспределить ресурсы и советский лозунг «Всё для фронта, всё для победы» в немецкой системе реализовать не удалось [12, с. 69]. В СССР народ оказался организованным сталинской системой и смог мобилизоваться. В более поздние времена русский народ отмечали в качестве державообразующего, данную идею использовали как критики, так и защитники. Перестроечная и постперестроечная группа интеллектуалов придерживалась идеи о том, что «патриотизм – последнее прибежище негодяя», но это является искажённой трактовкой высказывания английского поэта и критика С. Джонсона, которое в оригинале звучало «даже у негодяя есть последнее прибежище – любовь к родине». Перефразирование стало демонстрацией не только моральной низости, но и необразованности.

Выводы

Подводя итог, можно сделать следующие основные выводы. Россия вызывала противодействие у Наполеона, у Вильгельма II, а также и у А. Гитлера, следовательно, для североатлантических элит она всегда была и остаётся постоянным вызовом. Эйфория 1990-х завершилась и стало понятно, что Россию в тот период не «завоевали», руководство страны не отказалось от своей исторической роли и не признало поражение в Холодной войне, одной из

линий фронта в психоисторической войне против России стала русофобия как идея, которая заключалась в неприязни, а ряде случаев и в ненависти к русским как к народу, к русскому историческому типу и культурной практике. В качестве комплексных действий проводилось сочетание информационных, политических, экономических и военных мер, направленных на принижение и подавление русскости как психоисторического комплекса. В задачи русофобии входило установление контроля над русскими как этно-исторической, государствообразующей общностью и ослабление их роли, при помощи мировой ассимиляции. В практическом плане наиболее радикальные формы данной политики были реализованы фашистами во время Великой Отечественной войны, когда происходила попытка «окончательного решения русского вопроса».

Необходимо отметить, что цель русофобской кампании состояла в подрыве именно русской матрицы исторического развития, доказательством является ответ Збигнева Бжезинского на вопрос корреспондента французского еженедельного новостного журнала *Le Nouvel Observateur*. На вопрос «Вы же боролись с коммунизмом?» он ответил: «Не надо морочить людям голову, мы боролись не с коммунизмом, а с исторической Россией, как бы она ни называлась». Советский и российский политический деятель А.Н. Яковлев по этому поводу говорил следующее: «Перестройкой мы ломали не Советский Союз. Мы ломали тысячелетнюю модель русской истории». Здесь необходимо различать такие понятия, как русофобия и советофобия, которая часто выступает в качестве скрытой формы русофобии. Период СССР действительно был отмечен колоссальными достижениями, например, освоение космоса, трудовые подвиги народа (БАМ, ДнепроГЭС), великая мировая держава (создание Совета экономической взаимопомощи, подписание Варшавского договора, также страна стала одним из основателей ООН), военная мощь, достижения советских спортсменов (А. Карпов, Ю. Власов, И. Роднина, Л. Яшин, Л. Латынина, В. Харламов). В ряде случаев СССР стал реальным победоносным обществом русского модерна.

Среди западных русофобов находились бывшие профессиональные советологи, т.е. те, кто хорошо знал и оценивал советскую реальность, но изменили свое отношение на неприязнь или враждебность по отношению к России. Это выходцы из Восточной Европы или имеющие эмигрантские корни, например, З. Бжезинский, П.Д. Добрянски, П. Вулфовиц, Д. Маккейн, М. Олбрайт, М. Макфол, их руководящим мотивом стала неприязнь к России как таковой. Начиная с администрации президента Б. Клинтона в каждой последующей американской администрации количество подобных экспертов увеличивалось, неудивительно, что многие ошибки во внешней политике США были связаны с влиянием антироссийски настроенных советников.

С русофобией необходимо вести борьбу как на теоретическом, так и на практическом уровне, но только противостояния недостаточно: борьба с русофобией неизбежно связана с борьбой за реальный суверенитет. За последнее время в российской внешней политике можно наблюдать восстановление суверенитета, но при этом остаются нерешённые вопросы суверенитета в финансовой и интеллектуальной сферах. Если на мир смотреть глазами геополитического, системного или цивилизационного противника, то игра закончится в пользу оппонента, в случае принятия чужой повестки и постановки вопросов, действие происходит в чужих рамках. Таким образом, России необходимо самостоятельно формулировать собственную повестку дня во всех ключевых сферах – внешнеполитической, культурной, идеологической и экономической.

Литература

1. Алёхина Е.В., Курабцев В.Л., Деникин А.В., Фридман М.Ф., Иноземцев В.А. О русской экономике. От поздних славянофилов к неославянофилам // Современные философские исследования. - 2025. - № 4. - С. 27-41.
2. Аршинцева О.А. «Новая дипломатия» Д. Ллойд Джорджа на путях от войны к миру, 1916-1922 гг.: проблема современной интерпретации // Известия Алтайского государственного университета. - 2019. - № 6 (110). - С. 53-56.
3. Бубнов А.Ю. Постколониальные дискурсы в исторической политике на постсоветском пространстве // Дискурс-Пи. – 2025. - Т. 22. - № 1. - С. 69-84.
4. Бунтовский С.Ю., Новоселов С.Н., Ворнов К.М. Исследование трансформации отношений общества и государственных институтов к отдельным вопросам государственного управления // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. - № 6 (56). - С. 104-108.
5. Гавров С.Н., Бим-Бад Б.М. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. - М.: Интеллектуальная книга – Новый хронограф. 2010. - 342 с.
6. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН. 2006. - 315 с.
7. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Цивилизационные вызовы и системные проблемы отечественного социогенеза. Часть 1 // Клио. - 2024. - №3 (207). - С. 227-234.
8. Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в современной России. - М.: Мировая экономика и международные отношения. - 2000. - 63 с.
9. Меньшиков М.О. Кончина века. - М.: Грааль. - 2000. - 31 с.
10. Муравьева Л.А. Россия при преемниках Петра I // Финансы и кредит. - 2008. - №31 (319). - С. 66-75.
11. Никольская А.В., Белановская И.С. Патриотический раскол общества в результате Крымской войны 1853-1856 гг. // Власть истории – история власти. - 2024. - №1. - С. 110-116.
12. Павлов Н.В. Война в исторической памяти народов: 8 мая глазами немцев // Вестник МГИМО Университета. - 2015. - № 2 (41). - С. 65-75.
13. Пачкалов А.В. Ведущие финансовые династии Нидерландов и их роль в становлении и развитии капитализма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. - №4. - С. 58-64.
14. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. - М.: Наука. - 2003. - 351 с.
15. Полтавченко Г.С. Несистемная оппозиция в России: история вопроса // Управленческое консультирование. - 2025. - № 2. - С. 9-17.
16. Самаруха В.И., Самаруха А.В. Роль предпринимательства в развитии российской цивилизации // Известия Байкальского государственного университета. - 2025. - Т. 35. - №1. - С. 86-100.
17. Фурсов А.И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств. - М.: Книжный мир. 2020. - 544 с.
18. Хромов Е.А. Региональные элиты СССР в конце 1950 – середине 1960-х гг. К постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. - 2009. - № 323. - С. 183-186.
19. Шевцова Л.Ф. Смена Режима или Системы? // Полис. - Политические исследования. - 2004. - №1. - С. 46-50.
20. Янов Л.А. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. - М.: Крук. 1997. - 224 с.

References

1. Alyokhina E.V., Kurabtsev V.L., Denikin A.V., Fridman M.F., Inozemtsev V.A. O russkoi ekonomike. Ot pozdnykh slavyanofilov k neoslavyanofilam. [About the Russian economy. From the Late Slavophiles to the Neo-Slavophiles]. *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Modern Philosophical Research]. 2025, I. 4, pp. 27-41.
2. Arshintseva O.A. «Novaya diplomatiya» D. Lloid Dzhordzha na putyakh ot voyni k miru, 1916-1922 gg.: problema sovremennoi interpretatsii. ["New Diplomacy" by D. Lloyd George on the path from war to peace, 1916-1922: the problem of modern interpretation]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University]. 2019, I. 6 (110), pp. 53-56.
3. Bubnov A.Y. Postkolonialnie diskursi v istoricheskoi politike na postsovetskom prostranstve [Postcolonial discourses in historical politics in the post-Soviet space]. *Diskurs-Pi* [Diskurs-Pi]. 2025, V. 22, I. 1, pp. 69-84.
4. Buntovsky S.Y., Novoselov S.N., Vornov K.M. Issledovanie transformatsii otnoshenii obshchestva i gosudarstvennykh institutov k otdelnim voprosam gosudarstvennogo upravleniya. [A study of the transformation of relations between society and state institutions to certain issues of public administration]. *Yestestvenno-gumanitarnie issledovaniya* [Natural sciences and humanities research]. 2024, I. 6 (56), pp.104-108.
5. Gavrov S.N., Bim-Bad B.M. Modernizatsiya instituta semi: makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz. [Modernization of the family institute: a macrosociological, economic, and anthropological-pedagogical analysis]. *M. Intellectual Book. New Chronograph Publ.*, 2010, 342 p.
6. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie eliti Rossii: Vekhi istoricheskoi evolyutsii. [Political elites of Russia: Milestones of historical evolution]. *M. ROSSPEN Publ.*, 2006, 315 p.
7. Lapina I.Yu., Kargapoltsev S.Yu. Tsivilizatsionnie vizovi i sistemnie problemi otechestvennogo sotsiogeneza. Chast 1. [Civilizational challenges and systemic problems of domestic sociogenesis. Part 1]. *Klio* [Clio]. 2024, I. (207), pp. 227-234.
8. Lapkin V.V., Pantin V.I. Tsennostnie razmezhevaniya i sotsialno-politicheskaya differentsiatsiya v sovremennoi Rossii. [Value divisions and socio-political differentiation in modern Russia]. *Moscow: World Economy and International Relations Publ.*, 2000, 63 p.
9. Menshikov M.O. Konchina veka. [The End of the century]. *M. Grail Publ.*, 2000, 31 p.
10. Muravyeva L.A. Rossiya pri preemnikakh Petra I. [Russia under the successors of Peter the Great]. *Finansi i kredit* [Finance and Credit]. 2008, I. 31 (319), pp. 66-75.
11. Nikolskaya A.V., Belanovskaya I.S. Patrioticheskii raskol obshchestva v rezultate Krimskoi voyni 1853-1856 gg. [The patriotic split of society as a result of the Crimean War of 1853-1856]. *Vlast istorii – istoriya vlasti* [The power of history – the history of power]. 2024, I. 1, pp. 110-116.
12. Pavlov N.V. Voina v istoricheskoi pamyati narodov: 8 maya glazami nemtsev. [The war in the historical memory of nations: May 8 through the eyes of the Germans]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University]. 2015, I. 2 (41), pp. 65-75.
13. Pachkalov A.V. Vedushchie finansovie dinastii Niderlandov i ikh rol v stanovlenii i razvitií kapitalizma. [The leading financial dynasties of the Netherlands and their role in the formation and development of capitalism]. *Gumanitarnie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2018, I. 4, pp. 58-64.
14. Peregudov S.P. Korporatsii, obshchestvo, gosudarstvo: evolyutsiya otnoshenii. [Corporations, society, the state: the evolution of relations]. *M. Nauka Publ.*, 2003, 351 p.
15. Poltavchenko G.S. Nesistemnaya oppozitsiya v Rossii: istoriya voprosa. [Non-systemic opposition in Russia: a history of the issue]. *Upravlencheskoe konsultirovanie*. [Management consulting]. 2025, I. 2, pp. 9-17.
16. Samarukha V.I., Samarukha A.V. Rol predprinimatelstva v razvitií rossiiskoi tsivilizatsii. [The role of entrepreneurship in the development of Russian civilization]. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Baikal State University], 2025, V. 35, I. 1, pp. 86-100.

17. Fursov A.I. Voprosi borbi v russkoi istorii. Logika namerenii i logika obstoyatelstv. [Issues of struggle in Russian history. The logic of intentions and the logic of circumstances]. M. Knizhny Mir Publ., 2020, 544 p.
18. Khromov E.A. Regionalnie eliti SSSR v kontse 1950 – seredine 1960-kh gg. K postanovke voprosa. [Regional elites of the USSR in the late 1950s – mid-1960s. To raise the question]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2009, I. 323, pp. 183-186.
19. Shevtsova L.F. Smena Rezhima ili Sistemi? [Regime change or Systems?]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political research]. 2004, I. 1, pp. 46-50.
20. Yanov L.A. Ten Groznogo tsarya. Zagadki russkoi istorii. [Shadow of the Terrible Tsar. Riddles of Russian History]. M. Kruk Publ. 1997, 224 p.